

СОФЬЯ МИХАЙЛОВНА ЛОЙТЕР

доктор филологических наук, профессор кафедры литературы историко-филологического факультета Карельской государственной педагогической академии

Рец. на кн.: Иванова Т. Г. История русской фольклористики XX века: 1900 – первая половина 1941 г. / Т. Г. Иванова. – СПб.: Дмитрий Буланин, 2009. – 800 с.

Фольклористика, как всякая наука, испытывает потребность в современном осмыслиении своего исторического пути. Знаменитая двухтомная «История русской фольклористики» М. К. Азадовского (1958, 1963), охватывающая период с XVIII по начало XX века, при всей многолетней востребованности, ценности и известных достоинствах несет на себе печать идеологического воздействия своего времени, идеологической ангажированности (достаточно назвать ее последнюю главу – «Маркс и Энгельс о фольклоре. Начало формирования русской марксистской фольклористики») и требует не только продолжения, но новых подходов и оценок.

Вышедшая «История русской фольклористики XX века: 1900 – первая половина 1941 г.» Т. Г. Ивановой охватывает всего сорок лет, но это чрезвычайно насыщенный большими драматическими событиями в истории страны и фольклористики период, который как период не изучался. Такой труд под силу далеко не каждому даже опытному и серьезному фольклористу. Большая, в 800 страниц, книга Т. Г. Ивановой – не просто итог многолетней работы. Она подготовлена всем предшествующим исследовательским опытом: монографией 1993 года «Русская фольклористика начала XX века в биографических очерках»; подготовкой и комментировани-

ем изданий классиков науки (Д. К. Зеленин); работами в области былиноведения и участием в издании Свода русских былин; статьями о фольклористах и сказителях; работой в рукописном отделе Пушкинского Дома и публикациями на его основе; работой библиографа, составителя продолжающегося и известного библиографического указателя «Русский фольклор» (1987, 1990, 1993, 1996, 2001); знанием регионального фольклора. Т. Г. Иванова – постоянный участник сибирских научных семинаров-симпозиумов в Омске, конференций по проблемам Русского Севера в Архангельске, участник, а затем и председатель оргкомитета международных конференций «Рябининские чтения» в Петрозаводске. Все это предпосылки того, как четыре десятилетия истории фольклористики XX века отражены в аналитически предъявленных – прежде всего через труды исследователей – научных направлениях, теориях, личностях, полемиках, гипотезах, наблюдениях, событиях, отдельных эпизодах и фактах, иными словами, в тщательно воссозданной во всех сложностях и подробностях истории науки.

Несомненное достоинство монографии Т. Г. Ивановой обусловлено тем, что проблемы: 1) как представить исторически небольшой, но разнородный период истории фольклористики и 2) под

каким углом зрения его прочитывать, решены концептуально. Обосновывая свой принцип построения истории фольклористики, автор исследования исповедует точку зрения вынашивавшего идею написания такого труда Б. Н. Путилова: «...непрерывная история научной мысли, т. е. без выделенных “медальонов” – портретов отдельных исследователей. <...> Другими словами, конкретное имя само собой пропустит, обозначится только тогда, когда станет ясно, что именно с этим именем оказалось связанным такое-то открытие, такая-то теория, такая-то идея или исследовательский подход» [2; 52–53]. Предложив свою концепцию периодизации развития отечественной науки о традиционной культуре XX века, Т. Г. Иванова выделила в ней семь основных периодов. В монографии специально исследуются только три периода: первый – 1900–1916 годы – начало столетия; второй – 1917–1928 годы – от Октябрьского переворота (верхняя точка характеризуется разгромом советского краеведения); третий – 1929–1941 годы, однако во Введении, содержащем концепцию периодизации, охарактеризованы доминанты каждого из семи периодов.

Решая проблему, как «прочитывать» историю фольклористики, и не отвергая правомерности персонального, «медальонного» принципа, когда история науки осмысливается через биографии видных и рядовых деятелей, Т. Г. Иванова вслед за Б. Н. Путиловым видит ограниченность только такого подхода, сужение угла зрения для понимания процессов, происходящих в науке. Главным источником и объектом рассмотрения являются труды исследователей, создававшиеся в конкретно-исторических условиях. Прочитанные и перечитанные в историографическом ракурсе, они позволяют увидеть векторы движения науки, понять, как и в чьих исследованиях вызревают идеи того или иного направления или школы, представить историю их становления, подъема или «затухания». И тогда биографический, точнее биобиографический материал, которым насыщена монография, оказывается органической составляющей полнокровной и объективной картины существования науки. Ее созданию подчинены и рассмотренные организационные формы, представляющие фольклористику в каждый конкретный период, – научные общества, исследовательские институты, специальные издания. Подробное освещение собирательско-экспедиционной работы обращает к проблемам изучения конкретных жанров и открытия новых регионов, роли и деятельности отдельных фольклористов, методам экспедиционной работы, менявшимся в связи с техническим прогрессом и расширением возможностей. Тем самым в орбиту исследования включается огромный документальный материал центральных и периферийных архивов, личных архивов ученых, хроники в журналах и периодической печати, отчеты множества конференций и экспе-

диций, доклады, выступления, протоколы и повестки дня разного рода научных собраний, мемуары, дневники, даже письма. Такой круг источников позволяет избежать однолинейности в оценках и представить широкий спектр жизни науки с полемиками и расхождениями взглядов порой в рамках одной школы или направления, отразить нередко обусловленные временем компромиссы и недостойные поведенческие жесты того или иного даже уважаемого и авторитетного ученого. Вместе с тем наличие огромного количества фактов, информированность автора исследования не привели к их описательности, они являются элементами, составляющими константы каждого периода, как и уже упомянутые биографии-«медальоны». И еще одно привлекательное качество этого исследования: строгое научное изложение соединяется порой с вкраплениями мемуарного или эпистолярного свойства (как, например, 10 заповедей этнографа Л. Я. Штернберга из Дневника Н. И. Гаген-Торн).

Первый, самый большой раздел монографии «Фольклористика в 1900–1916 гг.», начинается с полемики с М. К. Азадовским, который в завершающей главе своей «Истории русской фольклористики» рассматривает эпоху конца XIX – начала XX века «как время упадка и измельчания», когда в науке проявляются «открыто выраженные реакционные настроения», «господствуют эмпиризм, формализм, тенденции “науки для науки”» [1; 261–262]. Противопоставляя свою точку зрения, Т. Г. Иванова пишет: «Предоктябрьская эпоха в фольклористике, на наш взгляд, – это высшая точка в развитии всей дореволюционной науки. <...> Фольклористика... начала XX века представляет собой именно развитую, многонаправленную систему» (с. 17). Каждая из 9 глав первого раздела служит доказательством этого. Особо представляя «Основные учреждения и издательские центры фольклористики» (название главы), подробнейшим образом рассматривая состав, структуру, деятельность каждого из них, начиная с Отделения русского языка и словесности императорской Академии наук (ОРЯС) и Русского географического общества (РГО), заканчивая научными обществами неуниверситетских городов и краеведческими научными обществами, Т. Г. Иванова показывает, что множественность организационных структур и децентрализация позволяли фольклористике осознавать себя научной дисциплиной, имевшей и осуществлявшей разносторонние задачи (собирательские, исследовательские, архивные, просветительские). Отдельная глава («Собирательско-экспедиционная деятельность») посвящена полевой практике начала XX века, когда продолжала формироваться главная база фольклористики – тексты произведений народной словесности. Описываются наиболее значимые экспедиции и их результаты, воплотившиеся в сборниках, которые стали классическими: «Беломорские былины» А. В. Маркова, «Архангельские былины» А. Д. Григорьева, «Северные сказ-

ки» Н. Е. Ончукова, «Великорусские сказки Пермской губернии» и «Великорусские сказки Вятской губернии» Д. К. Зеленина. Осмысление методологических установок, которыми руководствовались собиратели, дает возможность говорить о формировании нового типа экспедиций, фиксировавших не один какой-либо жанр, а всю фольклорную традицию края (например, Кирилло-Белозерская экспедиция братьев Б. М. и Ю. М. Соколовых), о «пределах» точности и несовершенстве при записях текста в тот период. Справедливо, что главная константная составляющая этого раздела – школы и направления. Восемь параграфов 3-й главы отведены тому, какие проблемы и в трудах каких ученых начала XX века продолжают доктрину «исторической школы» и ее главы В. Ф. Миллера, полемике А. В. Маркова с В. Ф. Миллером об интерпретации былинных сюжетов «Камское побоище» и «Илья Муромец и Сокольник», диалогу внутри школы между С. К. Шамбина и А. С. Якубом; как в недрах «исторической школы» прорастала миграционная экзегеза «школы заимствования». Большая глава посвящена судьбе идей корифея русской гуманистарной науки А. Н. Веселовского, опередившего свое время и по-настоящему вос требованного лишь во второй половине XX века, когда его трудам стало «суждено масштабное и разностороннее влияние на отечественную мысль о традиционной культуре» (с. 172).

Фольклористику названного периода обогащали и идеи «финской школы» (географо-исторический или историко-географический метод), методология которой предусматривает тщательный учет всех вариантов, расчленение сюжета на мотивы, статистические подсчеты. В рамках этой методологии и появился «Указатель сказочных сюжетов Анти Аарне», инициировавший каталогизацию русских сказок.

Очень важным достижением фольклористики этого периода Т. Г. Иванова считает развитие этнологического направления, сопрягающего в себе мифологию с этнографией. Особое внимание уделено трудам Д. К. Зеленина, который первый в русской науке повернул фольклористику к обряду и утвердил собой новый тип исследователя – фольклориста-этнографа. Большие потенциальные возможности этого направления Т. Г. Иванова видит в работах его последователей, в частности создателя современной этнолингвистики Н. И. Толстого.

Называя этномузыковедение специальной дисциплиной, достойной стать предметом отдельного исследования, Т. Г. Иванова тем не менее посвящает ему и в первом, и во втором разделе специальные главы, где рассматривает становление, развитие организационных форм и вклад в науку и культуру отдельных представителей этномузыковедения (А. Л. Маслова, Е. Э. Линевой, И. С. Тезавровского и др.).

Завершается первый раздел главой «Фольклор в культурной жизни страны начала XX ве-

ка», в которой идет речь о концертах сказителей (И. Т. Рябинина и М. Д. Кривополеновой), организованных просветителями – учителем П. Т. Виноградовым и актрисой О. Э. Озаровской, о просветительской деятельности московских учреждений и начавшем свою жизнь хоре М. Е. Пятницкого.

Все представленное в первом разделе дает основание автору книги резюмировать, что фольклористика периода 1900–1916 годов развивалась естественно и «занимала заметную нишу в культурной жизни страны» (с. 249).

Второй раздел книги, состоящий из 6 глав, посвящен следующему (с 1917 по 1928 год) периоду, который, по мнению Т. Г. Ивановой, был одним из самых плодотворных в истории отечественной фольклористики и был назван вторым «серебряным веком» русской культуры. И вновь документированный материал убеждает в том, что фольклористика этого периода унаследовала от дореволюционной науки разветленность учреждений, занимавшихся изучением устной народной поэзии. Обстоятельно рассмотрена деятельность фольклористических центров Петрограда (Ленинграда) и Москвы, сыгравших определяющую роль в развитии науки о традиционной культуре: это прежде всего труды научных обществ, заседания, доклады и сообщения их участников – как ведущих, так и рядовых. Именно так освещена работа Сказочной комиссии РГО, этнографического факультета географического института ЛГУ, Института по изучению литератур и языков Запада и Востока, крестьянской секции Российского государственного института истории искусств, Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии (ОЛЕА и Э), фольклорной подсекции Российской государственной академии художественных наук (РАХН/ГАХН). Вместе с тем при всей важности ведущих учреждений и их деятельности в Петрограде и Москве российская фольклористика, считает Т. Г. Иванова, не достигла бы столь заметных результатов без региональной фольклористики, основой которой были вузовская наука и краеведение. Представленная в книге фольклористическая деятельность Тверского педагогического института, Саратовского, Пермского, Иркутского университетов, Восточно-Сибирского отделения РГО, Костромского научного общества изучения местного края, Вологодского общества изучения Северного края убеждает в значимости для фольклористики краеведения, тесно смыкающегося с вузовской наукой в первое послевоенное десятилетие.

Особую важность имеют главы второго раздела (третья и четвертая), в которых раскрываются теоретические направления 1920-х годов. Исследовательскую многозвучность отражают как продолжавшие существовать старые методы и школы, так и вновь возникшие. Выход из кризиса, который переживала «историческая школа», братья Соколовы видели в усилении социо-

логического аспекта в изучении былин и утверждении историко-социологического метода. Заметим, что социологический метод, о котором в монографии идет речь несколько позже, интерпретируется и оценивается Т. Г. Ивановой критически: его потенции позволили сталинскому режиму объявить этот метод единственно правильным в противовес другим, «антимарксистским», что привело к созданию методологического вакуума и вульгарному социологизму.

Имя А. Н. Веселовского и его идеи, хотя и были популярными и интерпретировались в трудах его последователей, еще не были по плечу науке. Экзегеза «финской школы» нашла свое продолжение в трудах ученика В. Н. Андерсона Н. П. Андреева, создателя «Указателя сказочных сюжетов по системе Аарне». Органично, вне кризисных векторов, продолжало развиваться этнологическое направление, связанное прежде всего с именами Д. К. Зеленина (в 1927 году вышла его «Восточнославянская этнография»), В. Н. Харузиной, Н. Ф. Познанского, Е. Н. Елеонской. Выполняя в научном пространстве функцию сопряжения филологических и этнографических начал, оно способствовало сохранению идентичности фольклористики как самостоятельной научной дисциплины. Актуальной в 1920-е годы продолжает оставаться проблема сказительского начала в фольклорной культуре (глава «Изучение индивидуальности сказителя»).

«Свободное» развитие фольклористики в первое послеоктябрьское десятилетие Т. Г. Иванова объясняет тем, что именно в это время успели сформироваться несколько новых научных направлений, которых не было в дореволюционный период (глава 4 «Теоретические направления в исследованиях 1920-х годов. Новые методы и школы»). Аналитически представлено в монографии «абсолютно новое направление», каковым была «формальная школа», охватывавшая разные виды словесного искусства. Очевидная ограниченность для фольклористики деклараций этой школы, утверждавших необходимость изучения того или иного явления вне этнических, бытовых и пространственных связей, не умаляет ее роли в науке о народной культуре. «Формальная школа» обратила исследователей к форме устно-поэтических произведений и внесла огромный вклад в изучение поэтики фольклора. В монографии есть «Общий обзор трудов “формальной школы”» (отдельный параграф), самостоятельный параграф посвящен А. П. Скафтымову и его книге «Поэтика и генезис былин». Как ответвление «формальной школы» Т. Г. Иванова рассматривает структурный (структурологический) метод, для приверженцев которого из всей суммы элементов поэтики устно-поэтических произведений главными оказываются вопросы композиции. Под этим углом зрения интерпретируются книга Н. Ф. Познанского о заговорах, сказковедческие труды Р. М. Волкова, А. И. Никифорова, знаменитая «Морфология сказки» В. Я. Проппа.

Созданию многоплановой картины существования фольклористики 1920-х годов способствует то, что в монографии изучаются не только главные направления развития, но и ее периферийные либо малоизвестные, либо забытые или долго находящиеся под запретом явления и факты. Оказывается, что в этот период ростки фрейдистской мысли имели место в работах этнологов (Л. Я. Штернберг), а В. П. Адрианова-Перетц в октябре 1929 года в Государственном институте истории искусств прочитала доклад «Символика сновидений Фрейда и русская народная загадка», ставший позже статьей. Появились работы философа-богослова Е. Н. Трубецкого, в частности его статья «Иное царство» и его искатели в русской народной сказке» (1922), идеи которой оказались востребованными лишь во второй половине XX века.

Несомненное достоинство монографии заключается в том, что в ней большое внимание уделено выделившейся в самостоятельную область научного знания «этнографии детства», вкладу в изучение мира детства Г. С. Виноградова, деятельности Комиссии по детскому быту, фольклору и языку при РГО и особо О. И. Капицы.

Третий раздел книги «Фольклористика в 1929 – первой половине 1941 г.» посвящен одному из наиболее драматических, одиозных и вместе с тем неоднозначных периодов. Это период, как пишет исследовательница, утверждения «господства преступного сталинского режима» и «безусловного господства идеологического диктата». И впервые не в отдельных эпизодах, событиях и фактах, а в сложном их переплетении, во всех пагубных последствиях для фольклористики этот период предстал в документированном и обнародованном изложении... В первой главе прослеживается, как менялась деятельность основных фольклористических учреждений в результате их реорганизации, преобразований, смены руководства, свертывания работы. Закрытие в 1937 году Центрального бюро краеведения СССР было по сути завершением его разгрома, начатого в конце 1920-х годов. Вопиющие факты содержат вторая глава этого раздела – «Фольклористы и сталинские репрессии»: это судьбы более 150 академических ученых (среди них Н. Е. Ончуков, М. М. Зимин, В. Я. Пропп, В. Ф. Ржига, В. Н. Перетц, М. Н. Сперанский, Н. И. Кравцов, Н. И. Гаген-Торн, П. С. Богословский) и множества краеведов-любителей. Особо выделены аресты 1937–1938 годов в Карелии: Н. Н. Виноградова, И. М. Дурова, А. Н. Нечаева.

Одно из следствий идеологического диктата для фольклористики – сужение методологической базы науки о «живой старине». Многообразие методов и подходов заменилось единой позицией, определяемой марксистско-ленинским пониманием культуры. Состоявшиеся дискуссии, съезды, постановления, выполняя функции управления научными процессами, приводили к прекращению деятельности научных школ и на-

правлений (разгром «исторической школы», исчезновение этнографического направления, лишение этнографии статуса самостоятельной науки, запрет на многие темы и жанры). Насаждавшийся тезис о расцвете фольклора в советскую эпоху диктовал приоритетное внимание к фольклору победившего пролетариата, Октября, Гражданской войны, колхозного строительства. Утверждению фольклористики как одного из инструментов в создании идеологических мифов способствовала допустимость вмешательства ученых в фольклорные процессы. Это проявилось в методах работы со сказителями. Узаконивалось немыслимое в науке всех предшествующих лет – сотрудничество собирателя со сказителями, результатами которого явились такие многочисленные фальсификации, как плачи, плачи-сказы, новины, новины-поэмы, советские сказки, посвященные деятелям партии, советского правительства, политическим событиям. Сформировался канонический «цитатник» из высказываний не только классиков марксизма-ленинизма, но и русской революционной демократии, которым ученые руководствовались на протяжении 1930–1960 годов.

Тем не менее, как свидетельствуют факты, в фольклористике этого периода происходило немало позитивного. При всех издержках велась большая экспедиционно-собирательская работа, в которой участвовали приобретшие известность фольклористы А. М. Астахова, Н. П. Колпакова, И. В. Карнаухова. Впечатляющими были результаты деятельности собирателей Карельского научно-исследовательского института, воплотившиеся в такие издания, как «Сказки Карельского Поморья» (М. М. Коргуева), записанные А. Н. Нечаевым; «Сказки Ф. П. Господарева», записанные Н. В. Новиковым; «Русские плачи Карелии» М. М. Михайлова; «Былины Пудожского края» Г. Н. Париловой и А. Д. Соймонова. На Архангельском Севере былины собирает Н. П. Леонтьев и издает «Печорский фольклор». А. М. Новикова открывает воронежскую сказочницу А. К. Барышникову («Сказки Куприянихи»), в Саратовской области Т. М. Акимова издает «Сказки Саратовской области», в Сибири выходят «Сказки Красноярского края» под редакцией М. К. Азадовского.

В это время открываются и формируются фольклорные архивы, среди которых Т. Г. Иванова выделяет особо три: архив Пушкинского Дома, Государственного литературного музея и Карельского филиала РАН (последний «занял одно из ведущих мест в фольклористической архивистике»). Из позитивных моментов в развитии фольклористики рассматриваемого периода Т. Г. Иванова называет исследования по проблеме индивидуальности сказителя (и снова особо выделен вклад Карелии: «Открытие феномена народного сказителя в русской фольклористике состоялось именно благодаря Заонежью» (с. 616)); появление первого, ставшего

событием для своего времени, учебника «Русский фольклор» Ю. М. Соколова, издание В. М. Жирмунским «Исторической поэтики» А. Н. Веселовского и др.

Новаторским является последний, четвертый, раздел монографии «Русская зарубежная фольклористика в 1920–1930 гг.». Впервые в таком обобщенном виде предстала одна из важных составляющих отечественной фольклористики. Раскрывая интенсивную собирательскую работу в Латвии, Т. Г. Иванова подробно пишет о жизни и деятельности таких ученых, как И. Д. Фридрих, Н. Г. Козырев (Бережанский), И. Н. Заволоцко. Глава «Фольклористика в эмигрантских научных и культурных центрах» рассматривает деятельность одного из основателей Пражского лингвистического кружка Н. С. Трубецкого, историка и филолога П. М. Бицилли; русскую фольклористическую мысль в Чехословакии, где поселились эмигранты из России Е. А. Ляцкий, Ю. А. Яворский, А. Д. Григорьев. Отдельная глава посвящена тому, как и в каких трудах русская зарубежная наука отражала основные фольклористические направления и школы. Наконец, совершенно самостоятельное место отведено судьбе и деятельности П. Г. Богатырева, методологическому потенциалу его исследований, которые не были своевременно востребованы отечественной наукой.

Завершающее монографию «Вместо заключения» корреспондирует к ее «Введению», с которым оно связано концепцией периодизации. Как уже отмечалось, Т. Г. Иванова выделяет семь периодов в развитии фольклористики XX века, три из которых составили содержание книги. Что касается последующих, то Т. Г. Ивановой обозначены главные вехи каждого: третий-пятый периоды – 1929–1957 годы – представляют определенное единство, обусловленное эпохой абсолютного господства тоталитарного сталинского режима; шестой – 1958–1986 годы – высвобождение науки об устной народной культуре из-под идеологического гнета. Этот период вбирает в себя и хрущевскую «оттепель», и брежневский «застой» и завершается временем «перестройки». Главные события этого периода: IV Международный съезд славистов 1958 года, выход в свет монографии В. Я. Проппа «Русский героический эпос» и переиздание его «Морфологии сказки», издание трудов сравнительно-исторического характера В. М. Жирмунского, экспедиции Н. И. Толстого и его учеников. Седьмой период – с 1987 года – период идеологического раскрепощения фольклористики, когда фольклор стал пониматься как явление народной культуры, имеющее три составляющих: систему мифологических представлений, систему обрядов (сближение с этнографией), систему жанров. Важными тенденциями этого периода являются возвращение в науку классических жанров, некогда исключенных из ее поля зрения по идеологическим мотивам; расширение

фольклорного поля за счет жанров, находившихся под запретом; включение проблем народного православия.

Монография не содержит завершающего момента, поэтому она требует продолжения. Имеющаяся у автора концепция обнадеживает.

Качество монографии обеспечивают ее без преувеличения огромная библиографическая

база, превосходный блок фотографий, в том числе редких, ученых-фольклористов и имеющиеся элементы научного аппарата. Появление этого капитального исследования по истории русской фольклористики, изданного одним из самых авторитетных академических издательств «Дмитрий Буланин», – несомненное событие для современной фольклористики.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Азадовский М. К. История русской фольклористики: В 2 т. М., 1963. Т. 2.
2. Земцовский И. И. Героический эпос жизни и творчества Бориса Николаевича Путилова. СПб., 2005.